

ДУША ОБЯЗАНА...

Книга эта по объему не очень велика, но весьма, и по прочтении оставляет ощущение уверенности, прочности, молодой зрелости таланта, когда уже четко обозначились, но, возможно, еще не до конца развернулись творческие возможности автора. Книга, мне кажется, значительно выше его первой — по внутренней разработке тем, естественности интонаций, деталям, то есть по тому богатому арсеналу художественных средств, который автор использует в своей работе. Стихи в общем ровны добротностью, нет резкой ступенчатости в их качестве. Написана книга за сравнительно короткий срок, как бы на одном душевном подъеме, и главным, что характерно для ее внутренней наполненности и что хочется отметить с особым удовлетворением, является именно душевность, так редко сегодня выказываемая в нашей современной, чрезмерно политизированной поэзии. Борис Бурмистров поэт именно сегодняшней внутренне, при всей внешней традиционности. Он тоже отдает некоторую дань так называемым гражданским мотивам, тому, что тревожит сегодня общество и сотрясает нашу нескладно сложившуюся жизнь. Новые веяния, ветер перемен свободно врываются в раскрывшиеся окна его дома и находят чуткий отклик в его душе, прежде всего в душе, и может быть, более всего — в душе.

Болью она исходит от прошлого, когда привели людей к плоскому нивелированию, казенному единообразию:

«...До тридцати вливали в наши уши
«Святую» ложь, пускали пыль в глаза...
На всю страну кричали наши души,
По всей стране молчали голоса».

Но пришло время собирать камни, и автор твердо и выношенно утверждает, что «душе никто не отмеряет срок» и что «снова возражается душа». Эта вот оптимистическая нота преобладает в стихах и осветляет их надеждой на скорое полегчение. Одним словом, автор не только декларативно обращается к своей душе и вообще к душам людей, но стремится «задействовать» душу, втянуть ее в очистительный процесс существования. Не отсюда ли нотки язвительной укоризны к окружению и к себе самому, резкое осуждение всякого равнодушия:

И живем мы спокойно на свете.
На душе — ни тоски, ни вины...

Автор знает и чувствует, что в каждодневном портивоборстве с ложью и косностью, отчуждением и эгоизмом, неизбежны легкие, а порой и серьезные промахи и ушибы, и невосполнимые потери, и горькие переживания, понуждающие встать пред светлым и безгрешным миром природы и застыть в очистительном покаянии:

Тишина. Пожелтели дубравы.
Исповедуюсь им в тишине.

Особенно сильна и обжигающа душевная боль в стихах, посвященных сыну, жестоко — преждевременно ушедшему из жизни. Горе здесь буквально обугливает сердце и кричит с огромной, потрясающей мощью:

За что же, господи, за что?
Ответа нет. И не дождаться.

В прихожей к детскому пальто
Мое пытается прижаться.

Каждое стихотворение горячо зовет, напоминает, что при любых катаклизмах жизни мы все-таки люди, что не годится забывать человеческое в себе, что «став человеком, им остаться надо». Этим и дорога мне новая книга Бориса Бурмистрова.

В. Баянов.